Антони Муравски

Человеческая жизнь на фоне временного пространства : романы М. А. Осоргина "Свидетель истории" и "Книга о концах"

Studia Rossica Posnaniensia 36, 185-191

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

MUZEUM HISTORII POLSKI

STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA, vol. XXXVI: 2011, pp. 185-191. ISBN 978-83-232-2300-9. ISSN 0081-6884.
Adam Mickiewicz University Press, Poznań

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ НА ФОНЕ ВРЕМЕННОГО ПРОСТРАНСТВА. РОМАНЫ М.А. ОСОРГИНА *СВИДЕТЕЛЬ ИСТОРИИ* И *КНИГА О КОНЦАХ*

HUMAN LIFE AGAINST THE BACK-GROUND OF TIME SPACE. M.A. OSORGIN'S NOVELS *A WITNESS TO HISTORY* AND *A BOOK ON ENDS*

АНТОНИ МУРАВСКИ

ABSTRACT. The main theme of this article is specific perceiving of reality and the historical process in the novels of Mikhail Osorgin. The writer tries to explain the sense of socialistic movement in Russia and it's consequence – the revolution and the civil war 1917–1919. According to the point of view of Osorgin, the catastrophe, which happened to his country, is a part of the natural evolution of the universe. For the author, human life is more important than political ideas. Osorgin explains that people should build their own happiness instead of sacrifying their lives for abstract goals, which means nothing in the face of the universe and infinity. These ideas are connected with cosmological ideology of Osorgin.

Michał Murawski, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska.

Одной из наиболее часто затрагиваемых тем в прозе первой волны эмиграции была история. Это в большой степени обосновывалось стремлением писателей понять природу событий, вследствие которых им пришлось покинуть Россию и доживать оставшуюся часть своей жизни в изгнании. В контексте недавних для них событий литераторы неоднократно стремились найти закономерности, обусловившие судьбу России в частности и всего человечества вообще. В качестве примера здесь можно привести произведения как известных и уже достаточно подробно изученных писателей (И.А. Бунина, Б.К. Зайцева), так и творчество многочисленных представителей первой волны, литературные труды которых только в последние годы стали предметом пристального внимания исследователей. Ко второй группе, несомненно, можно причислить М.А. Осоргина, писателя и публициста, характеризующегося своеобразным подходом к истории. Позицию писателя во многом обусловила его судьба, так как в молодые годы автор *Сивцева Вражка* лично участвовал в революционном движении[1]. В 1922 году Осоргин был выслан из Советской России и в ко-

[1] В 1904 г. писатель вступил в партию эсеров, в подпольной газете которых в 1905 г. опубликовал статью *За что*?, оправдывающую терроризм „борьбой за благо на-

нечном итоге поселился во Франции, в которой до 1942 года, года своей смерти, занимался активным литературным трудом. Наиболее известным произведением эмигрантского периода его творчества стал посвященный событиям революции роман *Сивцев Вражек* (1928). Однако историческая тематика сыграла важную роль также в других крупных произведениях писателя. Прежде всего, здесь стоит отметить дилогию, посвященную революционному движению начала XX в.: романы *Свидетель истории* (1932) и *Книга о концах* (1935). Именно на основании этих двух произведений мы попытаемся показать своеобразие взгляда М.А. Осоргина на историю, частично раскрытого им уже ранее в *Сивцевом Вражке*.

На страницах романов писатель пытается представить умонастроение революционных кругов первых двух десятилетий XX века. Их непрекращающаяся борьба с российским самодержавием, которой они неоднократно посвящают всю свою жизнь, становится в замысле Осоргина фоном для показания истинного места человека, как по отношению к истории, так и в сопоставлении с природой. Писатель разоблачает бессмыслицу самоотверженной борьбы во имя отвлеченных ценностей, дорога к которым ведет через насилие и в конечном итоге совсем не гарантирует достижения цели. Эта идеология имеет много общего с принципом непротивления злу насилием, одной из главных основ философии Льва Николаевича Толстого. Об общих чертах во взглядах на историю автора *Войны и мира* и М.А. Осоргина будет еще сказано ниже. Своеобразное отношение автора *Сивцева Вражка* к ситуации, сложившейся в России, в силу своих убеждений считавшего маловажными для судьбы своей Родины всякого рода политические дискуссии, вызвало волну негодования в среде эмигрантов. Его аполитичность отметил уже Г.П. Струве (Струве 1996, 185), а О.Н. Михайлов поставил тезис, что Осоргин считался в зарубежье едва ли не „большевизаном" (Михайлов 2001, 206).

Такая позиция М.А. Осоргина стала результатом его мировоззрения, согласно которому исторические события являются частью потока времени, текущего своим ритмом, часто вопреки тщетным попыткам человека повлиять на него. „Нельзя ни подтолкнуть, ни замедлить, – стрелки на часах природы движутся с невозмутимым спокойствием" (Осоргин 1992, 73). Именно на этом принципе Осоргин главным образом основал свой пантеизм, согласно которому все элементы вселенной сосуществуют в вечной гармонии. При этом люди, несмотря на попытки выйти за рамки всеобщих правил, являются лишь частью неостанавливающегося механизма. В представлении Осоргина история человечества связана с эволюцией природы и составляет с ней строй-

---

рода". В 1905 г. во время московского вооруженного восстания он был арестован, а в мае 1906 г. временно освобожден под залог. Участие в эсеровском движении отразилось в очерках *Николай Иванович* (1923), где, в частности, упоминается об участии В.И. Ленина в диспуте на квартире Осоргина (см.: *Осоргин Михаил Андреевич*, http://www.krugosvet.ru/articles /89/1008932/1008932a1.htm).

ное упорядоченное целое – космос (Ковалева 2004, 71). Симптоматично, что в произведениях Осоргина не говорится прямо о роли Бога, существование которого, вместе с тем, полностью не отрицается. Можно сказать, что Всевышний в романах Осоргина отсутствует: „Никто не толкнул потока жизни, никто его не остановит" (Осоргин, *Свидетель истории*, 84). Об его отношении к религии высказываются многие литературоведы, считая, что художественное пространство писателя совершенно бесцерковно (Бронская 2000, 48).

Другой характерной чертой истории и потока времени в глазах Осоргина является их цикличность и повторяемость. Эти два фактора постоянно подчеркиваются писателем как доказательство существования круговорота жизни и истории, в котором периодически всплывают все те же элементы. Существует также и другой взгляд на этот вопрос, согласно которому Осоргин биологической цикличности противопоставляет прогресс исторических изменений (Лобанова 2002, 11). Однако один из персонажей *Книги о концах* прямо утверждает, что: „[...] история, она тем только и занимается, что повторяет события" (Осоргин, *Книга о концах*, 29). А ведь, как писал уже Г.В. Адамович, герои Осоргина даже на одну минуту не претендуют на то, чтобы заслонить автора (Адамович 1928, 243). Итак, история в глазах писателя также подлежит вечным правилам цикличности. Этот тезис многократно подтверждается, как в *Свидетеле истории*, так и в *Книге о концах*. В первой части дилогии один из революционеров начинает осознавать, что жизнь это вечная борьба поколений и веков (Осоргин, *Свидетель истории*, 51). В этой борьбе, по сути дела, ничего нового не появляется и ничто не пропадает, все лишь меняется местами. „Сегодняшний историк забыл, что прошлое [...] было не лучше нынешнего, что лишь перетасована колода тех же самых карт" (Осоргин, *Свидетель истории*, 8). Такую перетасовку Осоргин заметил также на примере эмигрантской среды в послереволюционный период. „Поборники свободы становятся палачами, бывшие палачи тоскуют по человечности. *Changes vos idees** – и историческая кадриль продолжается" (Осоргин, *Книга о концах*, 87). Даже столь масштабные исторические события, как революция, в миропонимании Осоргина не представляются факторами, нарушающими всеобщую цикличность. Такой подход это результат перспективы, с которой писатель рассматривает человечество. Если не вникать в политические разногласия и посмотреть на исторический процесс, отмечая его главные закономерности, то действительно можно согласиться с Осоргиным, что после революции наступает лишь „утверждение власти новой по образу и подобию сверженной" (Осоргин, *Книга о концах*, 93). В этом контексте не удивляет также нейтральное отношение писателя к „белым" и „красным", истребляющим друг друга в гражданской войне. Все они подлежат тем же законам природы, а „вино красное и белое пьянят одинаково" (Осоргин, *Книга о концах*, 93).

---

* *Меняйте свои убеждения* (фр.).

Логичным последствием цикличности времени является отсутствие цели, соответственно в понимании Осоргина не существует прогресса в значении изменения людьми окружающего мира. В ходе истории человечество может лишь постепенно осознавать и приближаться к вечным истинам космоса. В таком контексте важным остается лишь сегодняшний день, а попытки предугадать будущее становятся лишней суетой. „Если бы можно было решительно всё предвидеть! И было бы тогда жить – удобно и скучно" (Осоргин, *Книга о концах*, 51).

На фоне исторических изменений герои Осоргина представлены обыкновенными людьми. Отсутствие великих личностей это характерная черта прозы писателя. История создается всем человечеством, а великие герои в глазах писателя это тоже, прежде всего, люди, неоднократно случайно оказавшиеся в ответственной роли. Именно простые люди это главная составляющая исторического процесса, о чем говорит сам Осоргин:

> Мне всегда казалось, что судьбы мира решаются не спорами гигантов мысли и действия, а трудовыми усилиями средних и малых единиц. Без малого не на чем вырасти великому, без манной крупы, всыпанной в кипящее молоко, не на чем вскочить и лопнуть воздушным пузырям (Осоргин, *Письма о незначительном*, 1–2).

Свою точку зрения писатель выражает также в тексте романа *Книга о концах*, представляя исторических персонажей фигурами, малосущественными с точки зрения происходящих событий. Так, Николай II на страницах произведения – это человек „слишком неразвитой, чтобы понять безумие роли, которую ему приходилось играть" (Осоргин, *Книга о концах*, 21). Симптоматично, что с подобным пренебрежением Осоргин выражается также о „вожде революции". Ленин в романе

> настолько лишен фантазии, что ему даже в голову не приходит его будущее величие; [...] ему предстоит сделать самый фантастический прыжок – из царства необходимости в царство свободы с грузом многомиллионного народа на плечах. Разбег для этого прыжка сделан до него другими, [...] но для истории это неважно (Осоргин, *Книга о концах*, 86).

Притом здесь имеется в виду не история в широком понимании, а лишь то, что для следующих поколений записано в книгах. Согласно Осоргину, спустя десятилетия они дают ложную картину прошлого, так как в них выражена позиция автора, думающего за тысячи. „Будто бы вот в эти годы, вот этой мыслью жили в России все люди или уж, в крайнем случае, – все лучшие" (Осоргин, *Свидетель истории*, 8). Истинное лицо страны следует искать в других источниках: „В письмах солдатских, в деревенских ответах, – тут она вся Россия и есть" (Осоргин, *Книга о концах*, 78). Как пишет Г.И. Лобанова, Осоргин, оценивая события с точки зрения простого человека, утверждает, что народный здравый смысл ложным идеям всегда предпочитает служение жизни (Лобанова 2002, 5). Именно „маленькие люди" являются объектом вни-

мания писателя. Герои обоих романов представлены обыкновенными людьми, которые, пытаясь бороться за отвлеченные идеи, не могут полностью отмежеваться от естественного стремления к личному счастью. Природой человека, согласно Осоргину, обоснована его роль в истории. Прежде всего, все люди существуют согласно законам своего рода „колеса жизни":

В большой простоте и полном порядке чередовались: любовь, смерть, рождение. Так это происходит во всех богатых и бедных семьях [...], так происходит в поле, в садах, в огородах, в море, в лужах (Осоргин, *Книга о концах*, 70).

Здесь в очередной раз заметен пантеизм писателя, согласно которому человек это неотъемлемая часть природы. Именно она детерминирует жизнь людей, многие из которых чересчур стремятся играть несвойственные им роли. Это касается, прежде всего, молодых героев *Свидетеля истории*, которые за маской бойцов за свободу скрывают свою истинную натуру.

Когда чокнулись и выпили, – на добрый час исчезли заговорщики и загнанные революционеры и остались молодые люди (Осоргин, *Свидетель истории*, 13).

Однако своего рода „раздвоение" особенно заметно в романе на примере главной героини. Как пишет Г.И. Лобанова, Наташа, приговоренная к казни, до конца стремилась доиграть роль „революционной героини" (Лобанова 2002, 19).

Однако это противоречило естественному ходу жизни и, в конечном итоге, Наташа сделала выбор не в пользу своей исторической роли, а предпочла остаться простой, здоровой рязанской девушкой (Осоргин, *Свидетель истории*, 57).

Самой главной ценностью Осоргин считает человеческую жизнь, которая ни в коем случае не может посвящаться во имя отвлеченных, часто ложных идей. На этом фоне бессмысленным оказывается героизм, ведущий лишь к ненужной смерти и страданию. К такому выводу приходят также герои романа:

думала Наташа, что она была увлечена не далекими мечтаниями о счастье человечества или о благе русского народа, а игрой в жизнь и смерть, красивостью очень уж неравной борьбы (Осоргин, *Свидетель истории*, 73).

Такого рода романтизм заставлял молодых людей „умирать во славу миража – счастья будущих поколений" (Осоргин, *Свидетель истории*, 8). Похожей позиции в романе придерживаются также представители власти.

„Чёрт с ней, с историей!" – думает Столыпин, предчувствуя свою смерть и осознавая незначительность „почетного" места в списке жертв террора (Осоргин, *Свидетель истории*, 30).

Как уже было сказано выше, на философию Осоргина во многом повлияли взгляды Л.Н. Толстого. Этот факт отметила уже эмиграционная критика

(Адамович 1928, 344). Прежде всего, аналогии следует отметить в подходе к насилию в качестве инструмента влияния на окружающий мир. Г.И. Лобанова, рассуждая о роли творчества Осоргина в литературном споре о способах борьбы за справедливость, неслучайно упоминает известную заповедь Л.Н. Толстого: „не противься злому силой" (Лобанова 2002, 18). Заинтересованности мировоззрением великого писателя не скрывал и сам Осоргин, воспроизводя фигуру Толстого в качестве героя одной из глав *Свидетеля истории*. Словами Великого учителя, как его называет автор романа, выражена общая для обоих правда о жизни:

> Когда ты встретишь жёсткий камень и будешь его рубить, это будет неразумно; а если ты будешь об него точить, это будет разумно (Осоргин, *Свидетель истории*, 30).

Этими словами выражается Осоргиным его убеждение о бесполезности насильственных методов борьбы за справедливость. Идею непротивления злу насилием писатель развивает и в других фрагментах романа, показывая, как террор, вместо того чтоб привести к миру, втягивает людей в ловушку. „И оба они чувствовали, что теперь уже не может быть мирной жизни, что они опутаны смертью и смертями" (Осоргин, *Свидетель истории*, 38). Общие черты в мировоззрении Осоргина и Толстого можно также проследить в отношении к человеческой цивилизации и чувстве необходимости ее гармонического сосуществования с природой. Как пишет Н.Н. Гашева, Осоргин, показывая искусственно созданную людьми действительность, отчужденную от человека и природы, апеллирует именно к Льву Толстому (Гашева 2005, 38). Симптоматично, что оба писателя отвергали городскую цивилизацию, считая ее неблагоприятной для нравственного развития человека[2]. По мнению Осоргина, часто также переоценивается ее роль в историческом процессе.

> Какая вечная тревога нас гонит из спокойных мест в суету мира, часто против воли, ещё чаще – по ошибочному мнению, что история любит шумные города и что мы почему-то должны быть участниками житейской склоки? (Осоргин, *Книга о концах*, 71).

Эта цитата подтверждает также тезис об Осоргине как о противнике городской цивилизации (Струве 1996, 185).

Другим фактором, повлиявшим на восприятие Осоргиным времени и, соответственно, истории, стало увлечение писателя буддизмом. Именно в этой философии Востока писатель нашел подтверждение для своей теории круговорота жизни, в котором в вечной гармонии нет ни начала, ни конца. Соглас-

---

[2] Уже в эмиграции, в предвоенные годы, Осоргин переселился в деревню недалеко от Парижа, откуда проводил кампанию против современной городской цивилизации и за возврат к природе. Этой теме были посвящены его фельетоны в „Последних новостях" (см.: М.А. Осоргин, *Происшествия зеленого мира*, София 1938).

но основным истинам буддизма, так же, как в жизни каждого человека, так и в истории всего человечества существует страдание и путь к его прекращению (Мень 1992, по Интернету). Притом этот путь не имеет конца, так как, цитируя фрагмент *Свидетеля истории*, „есть реальность, а бывшее и будущее – только мираж" (Осоргин, *Свидетель истории*, 84). Учитывая такую позицию, существует лишь стремление без конечной цели, причем Осоргин, приводя в пример слова Великого Готама Будды, говорит о бессмысленности вопроса „почему?". „Без причин и цели возникло и существует бытие" (Осоргин, *Свидетель истории*, 84).

Подытоживая, образ истории в романах *Свидетель истории* и *Книга о концах* органично связан с философией Осоргина, которая представляет собой смесь пантеизма, элементов буддизма и толстовства. Своеобразный подход писателя к вопросу времени детерминирует также его отношение к человеческой жизни на фоне истории. Неслучайно в дилогии с главным действием переплетается судьба странствующего по России отца Якова, заглавного героя *Свидетеля истории*. Его жизнь и кончина олицетворяют собой идею вечного стремления. „А смерть в пути была единственно достойной любопытствующего землепрохода" (Осоргин, *Книга о концах*, 100).

Библиография

Адамовичъ Г., 1928, *„Сивцев Вражек" М.А. Осоргина*, „Звено", Париж 1928, № 5.

Бронская Л., *Русская идея в автобиографической прозе русского зарубежья: И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, М.А. Осоргин*, Ставрополь 2000.

Гашева Н., *Кинематографичность прозы М. Осоргина: аспект структурного синтеза на межвидовом уровне*, „Вестник ВГУ", Воронеж 2005, № 2.

Ковалева Ю., *Михаил Осоргин*, [в:] *Литература русского зарубежья (первая волна эмиграции: 1920–1940 годы): учебное пособие в 2-х ч.*, ч. 2, Волгоград 2004.

Лобанова Г., *Эволюция нравственного сознания „маленького человека" в романах М. Осоргина 1920–1930 гг.*, Москва 2002.

Мень А., *История религии*, т. 3, Москва 1992, http://www.alexandrmen.ru/books /tom3 /3_pril3.html.

Михайлов О., *От Мережковского до Бродского – Литература Русского зарубежья*, Москва 2001.

Осоргин М., *Книга о концах*, http://az.lib.ru/o/osorgin_m_a/text_0060.shtml (5.07.2009).

Осоргин М., *Свидетель истории*, http://az.lib.ru/o/osorgin_m_a/text_0050.shtml (5.07. 2009).

Осоргин М., *Сивцев Вражек*, http://www.lib.ru/RUSSLIT/OSORGIN/vrazhek.txt (5.07. 2009).

Струве Г., *Русская литература в изгнании*, Париж–Москва 1996.